

Про смерть СССР в 1991 году можно сказать фразу, которой иногда сопровождают в газетах сообщения о внезапных скоропостижных кончинах: "в обстоятельствах этой смерти далеко не все ясно". То, что СССР был имперским образованием, которому рано или поздно пришлось бы распасться или преобразоваться во что-то новое, лишившись своих русско-имперских черт, на наш взгляд, несомненно. Но отсюда до объяснения причин его гибели в 1991 году - такое же расстояние, как от констатации того, что люди смертны, или даже, что данный человек был стар и дряхл, до объяснения конкретных причин его смерти (от какой-то определенной болезни, несчастного случая или даже от того, что старика просто-напросто прикончили). Союз был, конечно, стар и дряхл, но вспомним, что еще в 1988-89 гг. он казался довольно бодрым. Только зарождавшиеся в это время сепаратистские движения нельзя даже сопоставлять с алжирской или вьетнамской войнами, нанесшими удар по Французской империи, или гандистским движением в Индии, распатавшим Британскую империю. Более того, даже в 1991 году подавляющее большинство населения СССР было, как показал уже забытый сейчас референдум, за сохранение Союза, причем не только русских, что естественно, ибо если СССР и был чьей-то империей, то русской, но, что более важно, - сред-неазиатов, татар, народов Северного Кавказа и Поволжья, украинцев, белорусов и др. Такому государству, вроде бы, еще жить да жить. Что же все-таки убило старика в том же 1991 году? Что было той конкретной болезнью, с которой организм не смог справиться, или той неосторожно или с умыслом оставленной открытой форточкой, вызвавшей сквозняк и воспаление легких уже больного человека?

Ясно, что такую роль непосредственного источника смерти сыграла позиция впервые избранных демократическим путем российских властей, сразу же взявших курс на конфронтацию с центром, причем конфронтацию, имеющую целью не заставить центр изменить его политику или как-то преобразовать его, а попросту разрушить, чтобы таким образом подготовить почву для своего прихода к власти.

С сепаратизмом других республик центр ещё мог бы справиться. Но "сепаратизм" главной, основной республики, той республики, которая, вроде бы, должна была служить "становым хребтом" союзного государства, справиться ему уже было не под силу. И этот "российский сепаратизм", на наш взгляд, и является основной проблемой.

Сепаратизм эстонцев или грузин понятен и "неинтересен". Для этих народов выход из Союза - это освобождение от русских, путь к самоутверждению на международной арене, на которой не было видно их индивидуального лица, где их страны считались "Россией". Но откуда взялся русский сепаратизм? От кого отделяться русским, если СССР и был страной, в руководящих органах которой безраздельно доминировали русские, где русский язык был официальным и господствующим и которая для всего мира была просто Россией?

Далее, почему демократически избранное российское руководство пошло на разрушение государства, разрушать которое его избиратели, несомненно, не хотели (об этом говорит не только то, что на референдуме подавляющее большинство русских было за Союз, но и тот очевидный факт, что и голосовавшие против москвичи, ленинградцы и свердловчане фактически тоже были "за" и только выражали голосованием поддержку Ельцину и демократам)? Но если

большинство было за Союз, почему оно приняло его разрушение с необычайной легкостью, с какой никогда не принимал разрушения империй ни один главенствующий в этих империях народ? Для ответа на эти вопросы мы должны прежде всего рассмотреть специфику русского национализма, сыгравшего в разрушении "великой русской империи" очень важную и парадоксальную роль.

Демократы и националисты: похищение знамени

СССР представлял собой очень сложное и противоречивое образование. С одной стороны, это, несомненно, продолжение Российской империи - многонациональное государство, где столица - Москва, язык - русский и т.д. Но СССР именно потому и мог быть Великой Россией, что "имперский" аспект этого государства - Януса сочетался с другим, противоположным, - союза равноправных народов и республик.

Российская империя смогла (единственная из трех распавшихся после первой мировой войны империй - Турецкой, Австро-Венгерской и Российской) восстановить свою территориальную целостность именно потому, что ее воссоздатели - большевики искренне воссоздания этой империи не хотели, видя в своем государстве лишь первый кусок земли, отвоеванный у мирового капитализма, зародыш будущего всечеловеческого коммунистического "тысячелетнего царствия", в котором народы сольются в единую общность, где не будет "ни эллина, ни иудея". Только этим искренним глубоким интернационализмом большевики смогли "разоружить" национально-освободительные движения. Как развивались дела дальше - общеизвестно. Интернационализм большевиков все более "улетучивался" по мере того, как становилось очевидным, что никакой мировой революции не предвидится, как "окостенела" идеология, а революционеры, пожирившие друг друга в борьбе догматических течений, уступали место новым людям, принесшим в новую идеологию старое, русско-имперское восприятие государства. В конце сталинской эпохи имперское перерождение СССР стало уже совершенно очевидным.

Однако стать "до конца" русской империей СССР не смог и не мог. Даже Сталин со своим всемогуществом, своим русским национализмом и тяготением к дореволюционному имперскому прошлому был здесь бессилён. "Великая Русь", по словам сталинского гимна, могла "сплотить навеки" народы только потому, что объединение этих народов считалось Союзом "республик свободных". И это были не только слова, не просто слова, ибо как официальное идеологическое осмысление СССР никогда не могло стать чисто "русско-имперским", всегда оставаясь двойственным и противоречивым, так и политика наших властей далеко не сводилась к репрессиям и русификаторству. Наряду с русификацией делалось очень много для подъема культуры и экономики многих входивших в СССР народов. И лояльное отношение к ныне покойному Союзу народов Средней Азии и многих малых народов - свидетельство того, что СССР был для них не только Великой Россией.

Этот двойственный характер государства - Великой России и Союза равноправных республик - проявлялся и в двойственности и противоречивости русского национализма. Этот национализм, при Сталине существовавший в неразрывной связке с официальной марксистско-ленинской идеологией, а затем - постепенно оформляющийся в особое идейное течение, естественно тяготеет к имперскому дореволюционному прошлому, когда национальный характер государства был очевиден. Он "по определению", по самой своей сути направлен против

марксистского интернационализма. Двадцатые годы, с их "еврейским засильем", для него - "темное время". Но при всей своей нелюбви к интернационализму и марксизму русские националисты понимали, что полный и официальный отказ от идеи равноправия народов и союзного характера государства неминуемо означал бы разрушение той великой русской империи, которой они, опять-таки, "по определению", не могли не дорожить, превращение России в малое и второсортное государство. Поэтому русский национализм был "идейно труслив", вынужден был быть лоялен к власти, легитимация которой основывается все же на интернационалистской идеологии, источник которой - ненавидимая им в глубине души революция. И сама эта власть, как ни пуста и формальна была ее марксистская идеология, как ни использовала она национализм и не сочувствовала ему, не могла его не "осаживать", когда он заходил слишком далеко. Здесь - сложные отношения взаимного подмигивания, умолчаний и недоговорок.

Перестройка, связанная с победой либерально-западнического направления в нашей правящей верхушке, усиливает истеричность национализма. Националисты ощущают себя (вместе с марксистскими фундаменталистами) загнанными в угол. В этой ситуации у них возникает специфическая смелость людей, которые чувствуют, что время работает против них, и они начинают говорить много того, что раньше говорить не решались, и много "лишнего", о чем, очевидно, сами потом жалеют.

Именно в этот период националисты начинают в противовес "русофобии" и сепаратизму республик усиленно выдвигать тезис о том, что не Россия угнетает их, а наоборот, они эксплуатируют Россию. Изобретаются все мыслимые аргументы в доказательство неполноправного, приниженого положения России. Вся аргументация, которой впоследствии воспользовались демократы, разработана не ими, а "правыми националистами". "...Из 190 млрд. рублей прибыли, вырабатываемых за год Россией, она оставляет для себя чуть больше половины, каждая российская семья теряет на этом 1500 рублей в год, а остальное идет на содержание союзной бюрократии и на помощь другим союзным республикам". Эта цитата - не из речи Ельцина или кого-либо из его сподвижников, а из статьи С.Куняева.

Реализуемая, например, сейчас демократами идея Российской Академии наук выдвинута правыми националистами, изображавшими отсутствие такого института в России как признак ее ущербности (хотя на самом деле эта несимметричность была институциональным выражением того, что СССР и был великой Россией, Академия наук и была "в основном" российской). Более того, логически следующая из lamentаций по поводу ущербного положения России идея ее отделения от СССР тоже была впервые высказана националистами. Как известно, первый сказал об этом на съезде народных депутатов СССР В.Распутин.

Однако, на наш взгляд, этот "русский националистический сепаратизм" был "не совсем всерьез". Фраза Распутина - это истерика и демагогия, полемический прием. Меньше всего Распутин хотел разрушения СССР - великой Российской империи. И если еще можно допустить, что у него был какой-то образ России, которая теряет окраины, но обретает национальную чистоту и наглухо изолируется от вредоносных западных и "сионистских" влияний, то представить себе сильно уменьшившуюся и ослабевшую Россию, в которой правят демократы - космополиты и где сейчас по телевидению - сплошной рок и иногда - реклама израильской страховой компании, он, наверное, не мог бы и в страшном сне. Но

политические идеи и лозунги - опасная игрушка. Они иногда могут реализовываться против желания тех, кто их выдвигает - не серьезно, в демагогических целях. "Сепаратистская" идея правых националистов оказалась такой "идеей-ловушкой". История (руками демократов) поймала их в эту ловушку, устроенную ими самими.

Россия против центра: мотивы и механика

События в нашей стране идут так быстро, что мы легко забываем то, что было совсем недавно. Вспомним наше демократическое движение в 1988-89 годах. Идеи "российского суверенитета" в нем не было. Было нечто совсем другое - поддержка прав народов на самоопределение. Всеобщее сочувствие вызывало тогда карабахское движение, реализация требований которого полностью противоречила бы идее суверенитета союзных республик, и наоборот, предполагала сохранение сильных (хотя и наполненных новым, демократическим содержанием) союзных структур. Откуда же взялся у демократов лозунг "суверенитета России"?

Он возник из конкретной ситуации, сложившейся после выборов народных депутатов РСФСР и особенно - после избрания Ельцина председателем Верховного Совета. Результаты выборов в РСФСР отражали новый, более продвинутый этап "перестроечного" революционного процесса, чем выборы народных депутатов СССР. Во-первых, они были действительно демократическими. Во-вторых, состояние общественного сознания было иным - революция пошла дальше. Это позволило демократам победить в России и создало противостояние между более радикальным российским и более умеренным союзным руководством. Но реальные права властей РСФСР были весьма ограничены, в силу "несимметричности" положения РСФСР в СССР, еще меньше, чем права властей других союзных республик. И если бы демократы и Ельцин действовали в рамках союзной конституции, им пришлось бы ждать реальной власти еще несколько лет - до новых выборов народных депутатов СССР. При этом правящей нами ныне команде в масштабе Союза было бы очень трудно: популярность Ельцина специфически русская. И окружают его люди отнюдь не всесоюзной или всероссийской известности - самые крупные фигуры были избраны депутатами СССР, а не РСФСР, ибо когда избирали российских депутатов никто не думал, что избирали реальную государственную власть, парламент суверенного государства. Но власти им очень хотелось, и хотелось именно сейчас, а не когда-нибудь.

И вот тут-то им и пригодилась выдвинутая правыми идея российского суверенитета.

Можно сказать, что именно этот лозунг привел демократов к реальной власти. Прежде всего он породил в лагере их противников смятение и растерянность. Правые националисты были "пойманы на слове" и должны были в изумлении смотреть по телевидению, как Илья Заславский, который, вроде бы, уж никак не должен быть русским националистом, угрожающе говорит союзным депутатам, чтобы они не забывали, на чьей земле они заседают, - на российской земле. Часть "патриотов" продолжала пребывать в столбняке, а часть, например, Руцкой, перешла в приобретающий все более "патриотическую" окраску демократический лагерь. Соппротивление националистов, которые не могли бороться со своими собственными лозунгами и своей собственной аргументацией, было парализовано и демократы смогли провести через российские Верховный Совет и съезд все свои

укрепляющие суверенитет России (и разрушающие Союз) постановления и законы.

"Правые" попали в ловушку. Но в такую же ловушку попали и русское общественное мнение и союзные власти. Ликвидации Союза народ, естественно, не хотел. Но он доверял Ельцину, не доверял союзному руководству и был увлечен идеей демократии. Кроме того, хотя русские не стремились к уничтожению Союза, они не могли не поддаться раздуваемой уже не только патриотами, но и демократами пропагандистской кампании об "ущербном" и "неполноправном" положении России. Поэтому народ смотрел как замороженный на деятельность своих вождей, направленную на разрушение государства, к гибели которого сам он отнюдь не стремился.

Так же парализовал лозунг суверенитета России союзный центр и Горбачева. Целью Горбачева было сохранение Союза и его постепенная, упорядоченная демократизация. И если бы не "удар в спину" со стороны России, он, наверное, со своей задачей справился бы. Но единый блок всех сепаратизмов, включая русский, всеобщее игнорирование союзной конституции и его указов создали ситуацию, когда он должен был выбирать между насильственным прекращением процесса демократизации и разрушением Союза. В конечном счете он выбрал второе, а его ближайшие помощники попытались пойти по первому пути, но настолько робко, что эта попытка только дала Ельцину и демократам возможность в августе и затем в декабре 1991 года окончательно поставить на Союзе крест.

"Эфтаназия" - или убийство при отягчающих обстоятельствах?

В начале статьи мы сравнивали гибель СССР со смертью старика. Если последовательно проводить это сравнение, возникает вопрос, с чем сравнить действия демократических властей России - с внезапной болезнью, окончательно старика доконавшей, или с актом, вызвавшим эту болезнь, то есть попросту говоря, с убийством. Ответить на этот вопрос однозначно нельзя, ибо аналогию между человеческим организмом и организмом общества нельзя провести до конца. Мы одновременно и частички общества, его "клеточки" (а наши мысли и чувства лишь проявления "естественно-исторических процессов"), и люди со свободной волей.

Причудливый способ гибели нашего государства, те "ловушки", в которые попало наше общественное мнение, не отделимы от характера этого государства. Действия Ельцина и демократов были естественны и, можно даже сказать, инстинктивны; история сама дала им в руки оружие, не воспользоваться которым было бы очень трудно. Эти действия сами есть аспект и стадия развития болезни, в мыслях и чувствах наших демократов "пульсировала история", направлявшая наше государство к гибели.

Но как ни детерминировано поведение человека, человек всегда сохраняет свободу воли. И действия Ельцина и демократов были не только проявлением болезни нашего общественного организма, но и сознательными, свободными действиями, направленными на то, чтобы усилить эту болезнь, доведя ее в кратчайший срок до летального исхода, действия, которые могли бы быть и иными.

"Клеточки" моральной оценке не подлежат. Но поступки свободных людей, которые все-таки могли действовать по-разному, должны оцениваться морально.

Мы вполне можем поставить вопрос - было ли "убийство" нашего "старика" преступлением?

Для ответа на этот вопрос надо прежде всего разобраться в мотивах этого деяния, ибо убийства бывают разные. Например, убийство маньяка, угрожающего жизни множества людей, не есть преступление. Не были преступниками те немцы, которые сознательно способствовали разгрому и гибели фашистского государства. Но то, что горбачевский Союз не был кровожадным маньяком, убить которого - подвиг, совершенно очевидно. Ясно, что кровь армян, азербайджанцев, турок и других народов, пролившаяся в последние годы, пролилась не из-за силы и жестокости Союза, а наоборот, из-за того, что распад Союза шел слишком быстро - быстрее, чем создание в республиках цивилизованных демократических обществ, способных правовым путем решать внутренние конфликты и выяснять отношения друг с другом не насилием и погромами. И практически несомненно, что окончательное разрушение Союза означает десятикратное увеличение этих потоков крови.

Могут быть убийства, совершенные "в состоянии аффекта", проистекающие из ложного, "бредового" понимания ситуации или из-за какой-то безумной, подчиняющей человека страсти. Например, идеи, которыми руководствовались при разрушении старой России большевики, были, безусловно, ложны и принесли людям лишь страдания. Но большевики безоговорочно в них верили и готовы были ради них не только убивать других, но и погибнуть сами. Осуждать их не так просто, как сегодня многим представляется. Было ли такое опьянение идеями и "состояние аффекта" у разрушавшего СССР российского руководства и поддерживавших его демократов?

В какой-то мере, наверное, было, но, на наш взгляд, в минимальной. Дело в том, что идея суверенитета России - вообще не их идея, идея, противоречащая их же изначальным принципам. Идея эта - демагогическая, и если Илья Заславский и был "опьянен", когда говорил союзным депутатам, что они заседают на русской земле, то опьянение это, скорее всего, наигранное. Ельцин и его сподвижники разрушали Союз не потому, что были глубоко убеждены, что это - их долг и путь ко всеобщему счастью (еще за год до этого они говорили прямо противоположное), а потому, что хотели как можно скорее прийти к власти (не имея, как сейчас все более очевидно, достаточно ясных представлений, как этой властью пользоваться). Поэтому "убийство" Союза было совершено во многом при отягчающих обстоятельствах - "с корыстными намерениями". В некоторых подобных намерениях, возможно, лучшая часть победителей стыдилась признаться и сама себе - как, например, в стремлении к обладанию высшими государственными привилегиями, постами послов, министров, генералов. Именно это стремление, по-моему, а отнюдь не бескорыстный угар демократического энтузиазма, влекло их к разрушению союзного государства. Старика прихлопнули, чтобы не ждать несколько лет его наследства.

Закон бумеранга

Но в истории есть одна особенность - в нее "встроен" некий механизм наград и наказаний наций, движений, партий. Любое аморальное действие в истории влечет за собой какие-то последствия, которые можно истолковать как наказание. Русская революция - наказание за самодержавие и крепостничество. Сталин - наказание за грехи революции (у американской революции не было таких грехов и не было такого наказания). Восстановление России как СССР - награда за

искренний интернационализм русской революции, за реальную и искреннюю заботу о малых народах, его разрушение - наказание за русификаторскую политику, за превращение СССР в империю, наказание, устроенное "своими руками", как естественное следствие националистических лозунгов и действий. Националисты "наказаны", попав в расставленную ими самими ловушку, которую "захлопнули" демократы. Но и демократы, поймавшие националистов, были отнюдь не "чисты". И теперь, похоже, они сами попадают в ловушку.

История карает за ложные и корыстные идеи. Правых националистов она покарала тем, что великое русское государство разрушено. Демократов она карает тем, что эта уменьшенная послабленная Россия, похоже, еще не так скоро станет демократической и "патриотам" в ней, возможно, будет куда вольготнее, чем демократам. И если мы экстраполируем теперешние тенденции, то получим такую картину нашего ближайшего будущего, в которую те самые демократы, кто с такой пылкостью поддерживал "суверенитет России", никак не "вписываются".

Страшное бремя победы

Любая империя, и тем более СССР, который все-таки был "не совсем империей" - не просто "тюрьма народов", но и "общежитие народов", переплетающихся, прорастающих друг в друга. Внезапный распад любой империи всегда в истории сопровождался реками крови и невыносимыми человеческими страданиями. Уже по одному этому с империями надо быть осторожней, и русские демократы были обязаны подумать о том, что принесет внезапное исчезновение Союза не только обреченным теперь на взаимное пожирание армянам и азербайджанцам, осетинам и грузинам (конечно, можно рассуждать: мы русские и на осетин нам наплевать), но и самим русским, оказавшимся во всех четырнадцати нерусских союзных республиках меньшинством, на котором, наверняка, будут вымещать свои неудачи и "комплексы".

Надо было подумать о том, что, разрушая СССР, ты обрекаешь Россию на конфликты с соседями (Назарбаев может быть прекрасным человеком и президентом, но сами реальности национального состава Казахстана и соседства с ним России просто не смогут не вызвать русско-казахских конфликтов).

Надо было подумать о том, что, разрушая Союз, ты неизбежно ведешь дело к разрушению РСФСР, ибо распад Союза не может остановиться на ее границах.

Если бы Ельцин и демократы пошли на это сознательно во имя русской демократии, "ловушки" бы не было - была бы просто цена, которую решили заплатить. Однако пошли они на это не совсем "с чистыми намерениями", не просто во имя демократии, и "ловушка" состоит в том, что и демократии, а в конечном счете и просто самим себе, они как раз и навредили.

Для нашего демократического развития был нужен не быстрый распад Союза на отдельные республики и "суверенизация" России. Для демократии, кажется мне, как раз нужно было прямо противоположное - жесткие союзные центральные структуры, и связи должны были отмирать лишь по мере того, как происходит реальная демократизация республик, вырабатываются механизмы правовой защиты меньшинств, по мере того, как они приучаются жить вместе, не вцепляясь

друг другу в глотку. Ясно, что старый, "сталийско-брежневский" Союз исключал демократию, но сохранение постепенно трансформирующихся, наполняющихся новым содержанием союзных структур было мощным демократизирующим фактором. (Здесь очень уместно сравнение с монархией. Абсолютная монархия исключает демократию "по определению", но конституционная и становящаяся все более конституционной, может быть мощной опорой демократического развития.) Союзные структуры не давали возникнуть фашистского типа режимам, вроде гамсахурдистского в Грузии. Они создавали везде "вторую власть", так необходимый нам, при отсутствии реального разделения властей, противовес авторитарным тенденциям новых республиканских правителей, не давали возникнуть межреспубликанским войнам. Они гарантировали тот минимум стабильности, без которого молодая и хрупкая демократия выжить не может. Все это было ясно и детям, и не видеть это могли лишь люди, ослепленные желанием как можно скорее дорваться до власти. (Или даже они все это видели, но зуд был уж очень силен).

Что же делать? Спокойно смотреть, как неумолимо катится колесо, несущее расплату за дешевое властолюбие, самолюбование, легкомысленную игру судьбами миллионов?

Шанс: покаяние победителей

Если то, что мы написали о логике разрушения СССР, о моральном аспекте этого акта и имманентном истории механизме воздаяния "за грехи" - верно, выход есть лишь один. Демократам надо признать, что они совершили ошибку (слово "ошибка" - очень мягкое) - и моральную, и политическую, - и хотя бы перестать совершать новые.

Пока вся политика новой демократической власти после разрушения Союза - это лишенная какого-либо морального и идейного стержня политика, обнажающая и подтверждающая корыстность мотивов самого этого разрушения. Лозунг этой политики - захватить все, что можно захватить безопасно. Все наследство Союза, которое новая Россия могла "прикарманить", она прикарманила, даже для приличия не предложив своим "братьям", соучастовавшим в "убийстве отца", раздел союзной собственности за границей. И не малейшей логики, кроме логики, порождаемой хватательным инстинктом, здесь нет. Мы признали независимость Украины и тут же хватаем себе Черноморский Флот, последний реальный смысл существования которого - оборона побережья, ставшего в значительной степени украинским. Мы спокойно смотрели и смотрим на явные притеснения русских в Прибалтике (Прибалтика - Европа, а Европы мы боимся), но из-за идиотских соображений сиюминутной выгоды пытаемся разжечь русский сепаратизм там, где никто русских не угнетает, - в Крыму. Мы приветствовали прибалтийский сепаратизм, помогавший нам "выкроить" из Союза свое царство, но пытаемся доказать татарам, якутам и чеченцам, что у них нет тех прав, которые есть у литовцев и эстонцев. Мы демонстрируем, что никакие наши клятвы (о нерушимости границ, о восстановлении прав репрессированных народов) нам не указ, и что единственный разговор, который мы понимаем - разговор в духе генерала Дудаева.

Дальнейшее движение по этому пути - это движение в пропасть и для России, и для российской демократии. Для России - поскольку это сползание на югославский путь, на путь конфликтов, из которых - при любом их исходе - мы выйдем обедневшими, обессиленными, изолированными. Потому что сохранение жалкой великодержавной позы

после того, как мы разрушили свою великую державу - это самый верный путь к упадку и ничтожеству. Для демократии - потому что в борющейся со всеми соседями и всеми сепаратизмами внутри себя России демократия не удержится. В ней будет происходить перерождение теперешней власти в диктатуру со все более националистической окраской, или же эта власть будет сметена волной "новой правой", невротической реакцией народа на унижение.

Остановить это движение куда сложнее, чем развалить Союз. Прошлого не вернешь. Но для того, чтобы помешать превращению бывшего союзного "пространства" в "пространство борьбы всех против всех", сползание России к хаосу и диктатуре, мы должны прежде всего пересмотреть наше недавнее прошлое, дать себе отчет в том, что мы сделали в 1991 году, почему и для чего мы это сделали. Лишь "исправившись", мы можем избежать "наказания", и лишь "покаявшись", можно "исправиться".